

Вопрос об использовании заимствований остаётся актуальным уже на протяжении долгого времени. Ряд явлений порождает острую необходимость в их номинации, по большей части, именно на английском языке. Возможно, тенденция использования «родных» номинаций укрепит свои позиции, но об этом можно судить лишь по прошествии некоторого времени.

Список литературы

1. Бегларян С. Г. Заимствование англицизмов в русском языке / С. Г. Бегларян // Молодой учёный. – 2014. – № 1. – С. 674–675.
2. Дьяков А. И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке / А. И. Дьяков // Язык и культура. – Новосибирск, 2003.
3. Коннова О. В. Европейские заимствования в русской медицинской терминологии / О. В. Коннова, О. Н. Кошелева // Гуманитарные исследования. – 2018. – № 1 (65). – С. 5–10.
4. Лазарева Ю. С. Иностранные заимствования в современной русской речи / Ю. С. Лазарева, С. И. Унда // Молодой учёный. – 2016. – № 7.5. – С. 89–90. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/111/27918>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 01.03.2019).

References

1. Beglaryan S. G. Zaimstvovanie anglicizmov v russkom yazyke // Molodoy uchenyj, 2014, № 1, pp. 674–675.
2. D'yakov A. I. Prichiny intensivnogo zaimstvovaniya anglicizmov v sovremennom russkom yazyke // Yazyk i kul'tura. Novosibirsk, 2003.
3. Konnova O. V., Kosheleva O. N. Evropejskie zaimstvovaniya v russoj medicinskoj terminologii // Gumanitarnye issledovaniya, 2018, № 1 (65), pp. 5–10
4. Lazareva Yu. S., Unda S. I. Inostrannye zaimstvovaniya v sovremennoj russoj rechi // Molodoy uchenyj, 2016, № 7.5, pp. 89–90. Available at: <https://moluch.ru/archive/111/27918/>.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СМЫСЛОВОГО ЭЛЕМЕНТА 'РОД' В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Космачёва Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, Астраханский государственный университет, Россия, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: olga_ast@list.ru.

В статье представлена лингвокультурная репрезентация смыслового элемента 'род' в словообразовательной парадигме, в русской фраземике и образных выражениях посредством семантического, историко-этимологического и функционального анализа. Выделенная семантическая оппозиция «свой» – «чужой» в архаической и современной картинах мира позволила показать многогранность интерпретационной роли смыслового элемента 'род' в русской лингвокультуре.

Ключевые слова: язык, культура, русский язык, носитель языка, семантика, смысловой элемент, род, фразема, образное выражение, картина мира, интерпретация, концепт

THE REPRESENTATION OF THE SEMANTIC ELEMENT OF 'KIND' IN RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE

Kosmacheva Olga, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatischev str., e-mail: olga_ast@list.ru.

The article presents a linguocultural representation of the semantic element 'gender' in the word formation paradigm, in Russian phraseology and in figurative

expressions by means of semantic, historical etymological and functional analysis. Dedicated semantic opposition “one’s own” - “alien” in the archaic and modern pictures of the world allowed to show the multifaceted interpretational role of the semantic element ‘gender’ in Russian linguistic culture.

Keywords: language, culture, Russian, native speaker semantics, semantic element, gender, phrasal, figurative expression, picture of the world, interpretation, concept

Роль любого современного языка как важнейшей части национальной культуры – в объединении нации. Русский язык объединяет как русских по национальности, так и всех граждан многонациональной Российской Федерации в качестве государственного языка. В недавнем прошлом для народов СССР русский язык, выступая в роли «всесоюзного переводчика», был «языком межнационального общения, сотрудничества и сплочения».

Сравнение А.А. Тюняевым, президентом Академии фундаментальных наук, действительным членом РАН, целых языковых семей с численным показателем говорящих только на одном русском языке – к 1970-му году по данным переписи свыше 183 миллионов человек – указывает на значительное преимущество распространения русского языка в глобальном мировом пространстве. «Из 15-ти известных языковых семей (!) 13 имеют численность гораздо более низкую, чем численность носителей русского языка (не семьи) <...>. Но так называемая индоевропейская семья языков, куда входит и русский, обнимает 47 % говорящих, то есть почти половину. К указанной дате на 5-ти наиболее распространённых языках (китайском, английском, хинди, испанском, русском) говорило свыше 40 % всего человечества» [10].

Данный факт требует в первую очередь от носителей русского языка несомненного уважительного отношения к собственной культуре – своеобразной исторической народной памяти: «По отношению каждого человека к своему языку можно совершенно точно судить не только о его культурном уровне, но и о его гражданской ценности. Истинная любовь к своей стране немислима без любви к своему языку. Человек, равнодушный к своему языку, – дикарь. Он вредоносен по самой своей сути потому, что его безразличие к языку объясняется полнейшим безразличием к прошлому, настоящему и будущему своего народа» [6]. Языку дано быть истинным хранителем культуры, и благодаря своей кумулятивной функции он обеспечивает межпоколенный диалог: **из рода в род** – ‘из поколения в поколение’.

Из всех лексико-семантических вариантов слова «род» остановимся только на словарных дефинициях, репрезентирующих лексему «род» как 1) основную общественную организацию первобытнообщинного строя – группу людей, объединённых на основе кровного родства (ср.: *старейшина рода, входить в чей-л. род, изгнать кого-л. из рода*); 2) ряд поколений, происходящих от одного предка, а также такой родственный ряд с точки зрения социальной, национальной, территориальной и другой подобной принадлежности (ср.: *история рода, положить начало роду, продолжить чей-л. род; Болконские из старинного княжеского рода; род людской; род человеческий – все люди, человечество; прекрасная (слабая) половина рода человеческого (человечества)*) [5, с. 1020–1021].

В повести К.Г. Паустовского «Золотая роза» (очерк «Алмазный язык. Родник в мелколесье») в уникальном диалоге лесника, большого любителя разбирать слова и писателя, у которого «соображение слов <...> должно быть обдуманное», представлен один из примеров духовного искания простого русского человека, отразившегося в русской лингвокультуре.

«– А какое слово к вам привязалось сейчас? – спросил я.

– Да вот этот самый *родник*. Я это слово давно приметил. Всё его обхваживаю. Надо думать, получилось оно оттого, что тут вода *зарождается*».

Родник родит реку, а река льётся-течёт через всю нашу матушку землю, через всю *родину*, кормит *народ*. Вы смотрите, как это складно выходит, – *родник, родина, народ*. И все эти слова как бы *родня* между собой. Как бы *родня!* – повторил он и засмеялся.

Простые эти слова открыли мне глубочайшие корни нашего языка.

Весь многовековой опыт народа, вся поэтическая сторона его характера заключались в этих словах» [7, с. 94].

Так, семантическая связь слов *родник, родина, народ*, установленная обыденным мышлением героя рассказа, репрезентирует генетическую связь корня 'род' с праславянским культом земледельческих небесных божеств Рода и рожаниц. В концепции Б.А. Рыбакова, Род – это творец Вселенной и наиглавнейшее божество, которому поклонялись только восточные славяне, до признания Перуна как бога всей Вселенной последующим дружинным культом древних славян. Интересно, что древнерусские слова с корнем 'род' показывают семантическую связь Рода «с земной водой (родники, родии)» [9].

Часто в фольклорных и образных выражениях смысловый компонент 'род' употребляется в выражениях, связанных с вопросом, информацией о происхождении человека, о месте его рождения. Например, в вопросительном предложении разговорного стиля: *Какого роду-племени кто-либо?* – 'какого происхождения'; в устаревшей фразе *ни роду ни племени у кого-либо* – 'нет никаких родных, близких'; в разговорной фразе *без роду-племени кто-либо* – 'о человеке неизвестного происхождения, без родственных связей'. Переосмысленное, интерпретированное представление рода в выражениях косвенно-производной семантики имеет соотношение с культом Рода праславянской общности, а именно с поклонением восточных славян Роду – божеству, с которым связано рождение всего живого. Смысловый компонент 'род' в приведённых выше выражениях обозначал ближайших родственников, а 'племя' – дальних родственников».

Несмотря на существенное отличие картины мира современного человека, современная русская фраземика хранит и представляет элементы архаической картины мира. Так, выражение *на роду написано что, кому* – 'суждено, предназначено' – также связано с древними мифами, по которым «жизнь человека связана с таинственной нитью, которую прядут три богини: в Греции их называли мойрами, в Риме – парками. Первая парка прядёт нить жизни, вторая записывает всё, что должно случиться с человеком, в таблицы, а третья ждёт, когда нужно будет обрезать нить жизни» [3, с. 599].

Думается, что «судьбоносную деятельность» древнегреческих и древнеримских богинь возможно дополнить мифологическим представлением древних славян богини Макошь – древней богини земли и плодородия, матери всего живого, которая определяла судьбу каждого, прядя вместе с Долей и Недолей нити жизней древних славян. Древние славяне считали: если бороться за счастье, не опуская рук, если быть человеком сильного духа, то оберег Макошь будет аккумулировать энергию человека, усилив её в несколько раз. Если человек стремиться достичь чего-то в этой жизни, то Макошь обязательно пришлёт ему Сречу – богиню счастья и удачи.

Носителем языка «оценивается то, что нужно (физически и духовно) человеку и Человечеству. Оценка представляет Человека как цель, на которую обращён мир» [1, с. 181]. Так, в русской лингвокультуре отождествление слова «родина» с образом матери обусловлено традиционным национальным отношением к русской земле, что представлено философским осмыслением Николая Бердяева о судьбоносном географическом положении России, что принудило русский народ «к образованию огромного государства. <...> От русской души необъятные русские пространства требовали смирения и жертвы, но они же охраняли русского человека и давали ему чувство безопасности. <...> Всегда слишком возлагается он на русскую землю, на матушку

Россию. Почти смешивает и отождествляет он свою мать-землю с Богородицей и полагается на её заступничество» [2, с. 65–67].

Вспомним изображение плаката И.М. Тоидзе «**Родина-мать зовёт!**», появившегося буквально в первые дни Великой Отечественной войны, или «Родина-мать зовёт» – главную скульптуру мемориала на Мамаевом кургане в городе-герое Волгограде, или монументальную скульптуру «Родина-мать», возвышающуюся над Днепром и видную отовсюду в городе-герое Киеве.

Образные выражения в русском языке объективируют древнейшую оппозицию мифопоэтической модели мира «свой – чужой» через образное противопоставление матери и мачехи, ср.: **Родина смелому – мать, а трусу – мачеха; Пахарю земля – мать, а лентяю – мачеха; Достаток – мать, убожество – мачеха; Родимая сторона – мать, чужая – мачеха**. Земля, имея в русском сознании женское начало, способна **родить**: *приносить плоды, давать урожай*.

Особая культурологическая значимость образных выражений проявляется в семантической репрезентации универсальных и идиоэтнических обобщений действительности, реальных и ментальных (возможных) миров. Например, фразема **как заново родился** – «почувствовал большое моральное или физической облегчение» [3, с. 599], известная также в украинском, белорусском и чешском языках и генетически связанная с одним из важных этапов юношеских возрастных инициаций древних славян. Этот этап инициации реконструирует первичную внутреннюю форму фраземы как ‘возрождение после символической смерти в новой ипостаси’, храня память о древнеславянском обряде, когда после символической смерти инициант возрождался в новой ипостаси “человека-волка” или “человека-пса”. Глагол **родиться** – ‘появиться (появляться) на свет в результате разрешения матери от бремени, а также появиться (появляться) на свет, имея кого-л. в качестве матери или отца’ всегда в семантической оппозиции глаголу *умереть*.

Этот глагольный компонент частотен в образных выражениях русской лингвокультуры, ср.: **родиться в рубашке (в сорочке)** с оттенком разг. – ‘быть человеком, которому всегда везёт, сопутствует удача’; **дураком родился, дураком [и] помрёшь (помрёт кто-л.)** – ‘о безнадежно глупом человеке или о человеке, который совершил непростительный промах, не сумел правильно отреагировать на ситуацию, предусматривающую выбор между правильным и неправильным, выгодным и невыгодным’; **милиционер (мент) родился** разг. – ‘употребляется в ситуации, когда в разговоре неожиданно возникает пауза’; **Что ни родится, всё пригодится** посл., разг. – ‘неважно, кто родится, семья всё равно будет рада новорождённому’; **Не родись красивым, а родись счастливым** погов. – ‘важнее всего в жизни удача, счастье, а не что-либо внешнее (часто употребляется по отношению к человеку, которому всё удаётся, постоянно везёт)’.

Обращение к косвенно-производным единицам русского языка подтверждает уникальность фразем как результата образно-логического понимания потребности поиска знакового выражения в определённых дискурсах, связанных с конкретным чувством/ощущением, событием или ситуацией представителя лингвокультуры. Например, фразема **круглый (круглая) сирота** – о том, кто не имеет ни отца, ни матери. Выражение исконно русского происхождения: от сочетания «кругом сирота», то есть не имеет никаких родственников.

Однако семантическая наполняемость фразем часто выходит за рамки кодифицированного значения, зафиксированного в словаре. Оценка является основным семантическим актуализатором слов и выражений как национально-специфических средств, выражающих этнокультурное восприятие сообщества той или иной лингвокультуры, реализуя их когнитивный потенциал.

Так, в семантической структуре фраземы **казанская сирота** – ‘о том, кто прикидывается несчастным, чтобы разжалобить кого-либо’ – ядерными

коннотативными семами являются 'хитрец', 'лгун', 'притворщик', 'плут', 'лицемер' и другие элементарные смыслы, выражающие негативную, пренебрежительную оценку субъектов, иронически номинируемых *казанскими сиротами*. Дискурсивное пространство анализируемого фразеологического значения связано с историческими событиями эпохи Ивана Грозного, когда была взята русским войском столица Казанского ханства и татарские князья мурзы, желая сохранить своё привилегированное положение и богатство, быстро принимали христианство и переходили на службу русскому царю. Они часто ездили в Москву, обращались «к царю с притворными жалобами на свою судьбу. Обычно в своих прошениях челобитных мурзы униженно именовали себя бедными сиротами, не имеющими покровителей, защитников. Таких князей народ и стал насмешливо называть казанскими сиротами» [3, с. 637]. Впоследствии эта образная номинация стала иронической характеристикой людей, прикидывающихся несчастными, беспомощными, обиженными, чтобы разжалобить кого-либо, вызвать сострадание.

Своеобразная и многогранная семантика фразем проявляется в уникальной способности творчески интерпретировать отдельные фрагменты и элементы концептуальной картины мира, передавая посредством образности как основы большинства фразем всю палитру человеческих чувств и формируя глубокое содержание языковой картины мира. В оценочно-образном отражении реальной действительности языковым сознанием носителей русского языка существенное значение имеет концепт, квалифицируемый З.Д. Поповой и И.А. Стерниным как глобальная мыслительная единица, представляющая собой «квант структурированного знания». Понимая под концептом когнитивное образование, учёные отмечают, что «человек мыслит концептами, комбинируя их и осуществляя в рамках концептов и их сочетаний глубинные предикации, формируя новые концепты в ходе мышления. Мышление есть оперирование концептами как глобальными единицами структурированного знания» [8, с. 93].

Слово «род» является доминантой в синонимическом ряду: *род, семья, фамилия*. Так, среди основных макроконцептов, конструирующих языковую картину мира, можно выделить такие, как «Семья и родственные отношения», ср.: *бедный родственник; дети лейтенанта Шмидта, дочери-матери, жена Цезаря, Иван, не помнящий родства, папенькин сынок, сбоку припёка (припёку), седьмая (десятая) вода на киселе* и др.

Выражение *Иван, не помнящий родства* первоначально появилось в юридическом дискурсе, номинируя так всех беглых каторжников, «беспашпортных бродяг», именовавших себя за неимением каких-либо документов «Иванами». Попадая в руки полиции и других правоохранительных структур, они отвечали на вопросы о родственниках, что «родства не помнят». Поэтому в полицейские протоколы заносили такую формулировку, как «Иван, родства не помнящий». Со временем эта юридическая формула утвердилась в качестве образного выражения *Иван, не помнящий родства* – 'о беспринципных, неблагодарных людях, легко забывающих сделанное им добро, свою историю, культуру и т.п.'. Так стали называть в народе каждого, кто отрекается от родных, друзей, привязанностей.

Литературные репрезентации расширили смысловую реализацию данного выражения, ср.:

1) 'одиноким, беспомощным человеком': *Я пришла к тебе чёрной полночью, / За последней помощью. / Я бродяга, родства не помнящий, / Корабль тонущий* (М. Цветаева. Я пришла к тебе...);

2) 'не знающий своей истории и культурных традиций': – *Хочется верить, – повторила Анастасия. – Однако... Милорд Сандра, уверены ли вы, что перед нами – путь обретенный, а не утрат? – То есть? – Предположим, мы узнаем, докажем неопровержимо, что жизнь до Мрака – не миф, что*

жили некогда Древние. И погибли. Вероятнее всего, погибли, оставив жалкую горсточку **не помнящих родства**, заложивших потом мир, в котором мы живём... Но что, если Знание об их жизни и кончине не обогатит нас, а наполнит ужасом перед познанным? Ведь возможно и такое? (А. Бушков. Анастасия). Обычно фразема используется, когда говорят о человеке без убеждений и традиций, объективируя концепт «Неблагодарность». Языковая память поддерживается словами (*не*) *помнить* и *родство*.

Концепт «Свои» – «Чужие» является часто когнитивным субстратом фразеомообразования, результатом которого стали образные номинативные единицы, в семантической структуре которых присутствует смысловой элемент 'род'. Так, в качестве обозначения взаимоотношений матерей и дочерей в семье используется фразема **дочки-матери**, смысловая реализация которой подтверждается частотностью одноимённой заголовочной фраземы в газетно-журнальных публикациях на семейные темы; **седьмая (десятая) вода на киселе** – 'о человеке, находящемся в крайне отдалённом родстве с кем-л.'; **поминать своих родителей за чужим кануном** – «устар. народ. неодобр. 'о человеке, который не чтит память родителей, пьёт и гуляет' (канун – 'поминки')» [3, с. 599] и др.

Употребление фраземы **дочки-матери** в заголовках интернет-публикаций актуализирует смысл 'род' как 'семья', определяя проблемы именно семейных отношений матерей и дочерей, ср.: «**Дочки-матери** – соперничество или сотрудничество?» (<https://shkolazhizni.ru/psychology/articles/5337/>); «**Дочки-матери** на выживание» (<https://subscribe.ru/digest/woman/relation/n934225.html>); «"Дочки-матери": работа над ошибками» (<https://blog.qui.help/blog/dochki-materi-rabota-nad-oshibkami>).

Фразема «Седьмая вода на киселе» в качестве заголовочной фраземы на сайте АиФ (<http://www.aif.ru/archive/1667473>) и на сайте «Единое информационное пространство недвижимости (ЕИПН)» (<http://www.eip.ru/pubs/926>), «активизирует дискурсивно-прагматическую деятельность человека в аспекте понимания имплицитного содержания, находящегося за пределами означаемого знака фраземы» [4, с. 246]. Например, публикация на сайте ЕИПН, посвящённая изменениям в Гражданском кодексе РФ, где теперь есть описание сложных родственных уз и установление семи «очередей наследников по закону», предваряется обращением к семантике фраземы **седьмая вода на киселе**, акцентируя народную интерпретацию выражения в качестве очень отдалённой степени родства, а также сомнительной принадлежности какого-то лица к семейному клану (<http://www.eip.ru/pubs/926>).

Уникальность смыслового компонента 'род' в его широкой семантической вариативности, что, несомненно, обусловлено лингвокультурной и генетической связью с мифологическими образами праславянской общности, всей словообразовательной парадигмы с этим корнем. Незримая связь архаической и современной картин мира воспроизводит типичность образов как основы фразеомообразования. Включённость в них – это результат коллективного представления лингвокультурной общности о некотором групповом опыте носителей языка, символах или эталонах миропонимания.

Репрезентация смыслового элемента 'род' в словообразовательной парадигме, в русской фраземике и образных выражениях посредством семантического, историко-этимологического и функционального анализа позволила показать многогранность интерпретационной роли смыслового элемента 'род' в русской лингвокультуре.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Бердяев Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев. – М. : Советский писатель, 1990. – 348 с.

3. Бирих А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. – М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. – 926 с.
4. Космачёва О. Ю. Заголовочные фраземы как семантический центр позитивной vs негативной информации в интернете / О. Ю. Космачёва // Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры : сб. науч. тр. по итогам 4-й Междунар. науч. конф. по когнитивной фразеологии (г. Белгород, 26–27 марта 2019 г.). – Белгород: ООО «Эпицентр», 2019. – С. 246–249.
5. Морковкин В. В. Большой универсальный словарь русского языка / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачёва, Н. М. Луцкая; под ред. В. В. Морковкина; Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА; Словари XXI века, 2016. – 1456 с. – (Фундаментальные словари).
6. Паустовский К. Г. Поэзия прозы // О писательском труде / К. Г. Паустовский. – М. : Советский писатель, 1953. – Режим доступа: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/public/poeziya-prozy.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. Паустовский К. Г. Золотая роза // Собрание сочинений : в 8 т. / К. Г. Паустовский. – М. : Художественная литература, 1967. – Т. 3. Повесть о лесах. Золотая роза. – 142 с.
8. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике : монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2001. – 192 с.
9. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – Режим доступа: http://modernlib.net/books/ribakov_boris/yazichestvo_drevnih_slavyan/read, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
10. Тюняев А. А. Стадии русского языка и их соответствие данным археологии, антропологии и ДНК-генеалогии / А. А. Тюняев // Organizmica. – 2010. – Декабрь. – Режим доступа: <http://www.organizmica.org/archive/712/cryi.shtml>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

References

1. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka. M. : Yazyki ruskoj kul'tury, 1999. 896 p.
2. Berdyaev N. A. Sud'ba Rossii. M. : Sovetskij pisa-tel', 1990. 348 p.
3. Biriĥ A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. Russkaya frazeologiya. Istoriĥo-etimologičeskij slovar' / ed. V. M. Mokienko. M. : Astrel' : AST : Lyuks, 2005. 926 p.
4. Kosmachyova O. Yu. Zagolovochnye frazemy kak semanticheskij centr pozitivnoj vs negativnoj informacii v internete // Phrasologiya v yazikovoy kartine mira. Belgorod: LLC Epicenter, pp. 246–249.
5. Morkovkin V. V., Bogachyova G. F., Luckaya N. M. Bol'shoj universal'nyj slovar' russkogo yazyka / ed. V. V. Morkovkin; Pushkin State Russian Language Institute. M. : AST-PRESS KNIGA; Slovarei XXI veka, 2016. 1456 p. (Fundamental'nye slovarei).
6. Paustovskij K. G. Poeziya prozy // O pisatel'skom trude. M.: Sovetskij pisatel', 1953. Available at: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/public/poeziya-prozy.htm>.
7. Paustovskij K. G. Zolotaya roza // Sbranie sochinenij : in 8 vol. M. : Hudozhestvennaya literatura, 1967. Vol. 3. Povest' o lesah. Zolotaya roza. 142 p.
8. Popova Z. D., Sternin I. A. Ocherki po kognitivnoj lingvistike. Voronezh : Istoki, 2001. 192 p.
9. Rybakov B. A. Yazychestvo drevnih slavyan. Available at: http://modernlib.net/books/ribakov_boris/yazichestvo_drevnih_slavyan/read.
10. Tyunyaev A. A. «Stadii russkogo yazyka i ih sootvetstvie dannym arheologii, antropologii i DNK-genealogii» // Organizmica. – 2010, dekabr'. Available at: <http://www.organizmica.org/archive/712/cryi.shtml>.